

ГЛАВА 37. В ПОИСКАХ КЛАНА ЛИНЬ В ЮЙЧЖОУ (1)

Что хорошего люди находили в Шэнь Цинхане?

Пожалуй, даже он сам не знал ответа на этот вопрос. Если бы ему пришлось подбирать слова, чтобы описать себя, на ум приходило лишь одно: «безумец». Такой же ненормальный, как и Ин Сыинь.

— Ты уже два дня не выпускаешь этот чайник из рук. Неужели надеешься высмотреть в нем что-то новое? Если тебе так невтерпеж, лучше ласково назови меня мужем — и хоу за полчаса научит тебя всему, что знает сам.

Уловив момент, когда Шэнь Цинхань отвлекся, Ин Сыинь ловко выхватил чайник, который тот сосредоточенно изучал. Он рефлекторно дернулся, чтобы вернуть вещь, но едва он приподнялся, как крепкая рука Сыиня перехватила его за талию и бесцеремонно утянула в объятия.

Мир качнулся. Вокруг были жесткие стенки повозки — если бы он ударился о них, синяки на спине и плечах заживали бы не меньше недели. Действуя по привычке, Шэнь Цинхань обхватил Ин Сыиня за шею, чтобы удержать равновесие. На его лице еще не угасла тень испуга, когда он заметил, что хоу довольно рассмеялся.

— Ты чего ржёшь? — насупившись, процедил Шэнь Цинхань.

— Я-то думал, у тебя всегда одно и то же выражение лица, — отозвался Ин Сыинь. — А оказывается, когда ты пугаешься, то становишься таким... живым. Видимо, стоит почаще тебя донимать. Возможно, тогда я увижу еще много интересного.

Шэнь Цинхань раздраженно нахмурился:

— Ты болен?

— Если ты так говоришь, значит — болен, — легко согласился хоу.

Цинхань снова потянулся к чайнику, но Ин Сыинь вытянул руку, держа трофей вне досягаемости.

— Ты можешь вслушиваться и всматриваться хоть три года, хоть пять — без толку. Зачем тратить время напрасно?

— Тогда научи меня.

— Назови «муженьком» — и научу.

— Ты обещал обучить меня боевым искусствам еще до того, как мы прибыли в Цзибэй, — возмутился Шэнь Цинхань. — Откуда вдруг взялось это условие?

— Хоу обещал открыть тебе секреты Павильона Хранения Книг, — парировал Сыинь. — А техника распознавания яда по звуку — мое личное достижение, к Павильону Хранения Книг отношения не имеющее. За дополнительные уроки полагается дополнительная плата.

Шэнь Цинхань стиснул зубы. Научиться хотелось до дрожи, но проклятое слово застряло в горле.

— Если ты так стесняешься, — вкрадчиво прошептал Ин Сыинь, — прошепчи мне на ушко. Обещаю, никто не узнает.

С этими словами он сам подставил ухо к губам юноши.

Шэнь Цинханю недавно исполнилось двадцать; будь он чуть моложе и импульсивнее, он бы с радостью откусил это самое ухо.

Ин Сыинь обладал недюжинной силой. Если он не хотел отпускать, Цинханю оставалось только сидеть у него на коленях, зажатым в стальных объятиях. Одна нога хоу легко удерживала вес юноши, не доставляя хозяину ни малейшего неудобства.

Несколько раз Шэнь Цинхань открывал рот, но так и не смог выдать ни звука. Сгорая от внутреннего бессилия, он отвернулся.

— Хочешь — учи, не хочешь — верни вещь.

— Скажи честно, ты так долго возишься с этим... неужели совсем ничего не понял?

— Не твое дело, — огрызнулся Шэнь Цинхань и снова попытался выхватить чайник.

Но Ин Сыинь был выше, а его руки — длиннее. Он просто отвел ладонь в сторону, и Цинхань, как рассерженный котенок, тщетно забился в его руках, пытаясь вырваться. Хоу хватало одной руки, чтобы удерживать его на месте.

Шэнь Цинхань был красив и юн. Похоже, Ин Сыинь решил излить на него весь запас терпения, накопленный за тридцать шесть лет жизни. Он не сердился: любой удар или грубое слово от этого мальчишки он воспринимал как царапину любимого питомца — с улыбкой проверял, не осталось ли крови на когтях.

Лицо Цинханя пылало от гнева и напряжения.

Ин Сыинь, наконец, сжалился и вернул ему чайник. Слегка щелкнув юношу по лбу, он спросил:

— Как ты умудрился занять третье место в Рейтинге сильнейших мастеров? Неужели Мо Наньфэн просто перебил всех, кто сильнее тебя, и заставил их признать поражение?

Для самого хоу эти достижения ничего не стоили — в двадцать лет он оставил бы всех этих юнцов далеко позади — но, обменявшись парой ударов с Мо Наньфэном, он признал его незаурядную силу.

— Что ты хочешь этим сказать? — помрачнел Шэнь Цинхань.

— Видишь ли, во всяком деле важны техника и талант, — пояснил Ин Сыинь. — Ты усерден и трудолюбив, это правда. Но ты совершенно не умеешь ухватывать суть. Ты готов в одиночку грызть гранит годами, там, где при должном наставлении справился бы за месяц. В итоге ты, может, и добьешься успеха, но потратишь в пять раз больше сил и времени, чем обычный человек.

Шэнь Цинхань замер, пораженный тем, как точно хоу попал в цель. Он даже забыл, что пытался вырваться.

Он действительно никогда не умел просить о помощи. Не любил лишних слов, не заводил друзей. Если какой-то прием не давался, он просто уходил в безлюдное место и повторял его снова и снова, до изнеможения. Пока движения не становились плавными, пока тело не запоминало каждый дюйм траектории.

В горах Куньлунь его выдающаяся внешность не была преимуществом, способным смягчить его тяжелый характер. И если Мо Наньфэн видел в нем только совершенство, то остальные едва ли собирались потакать его капризам.

Ин Сыинь коснулся волос у уха Цинханя.

— На Куньлуне вечные снега. Я видел твои ноги — они все в шрамах от обморожений. Должно быть, в детстве ты изводил себя тренировками, не щадя сил. И всё ради того, чтобы отомстить мне? Это трогательно, — сказал хоу.

— У меня не только на ногах раны, — холодно бросил Шэнь Цинхань.

— Я знаю, — улыбнулся хоу. — Я знаю о каждом твоём шраме.

— Если я скажу, что каждая отметина на моем теле появилась из-за тебя, ты будешь тронут

еще сильнее?

Ин Сыинь провел пальцем по подбородку юноши.

— Мне было семнадцать, когда я получил свою последнюю рану. Шрамы — это печать бессилия. Ты всё еще слишком слаб, — ответил хоу.

Шэнь Цинхань скрежетнул зубами:

— Господин хоу... а вы, я гляжу... в выражениях не стесняетесь. Совсем как дитя.

— Дитя? — Ин Сыинь расхохотался. — В моем возрасте ты мог бы называть меня «дядюшкой», и это не было бы ошибкой. Хотя Сыма Вэйхоу говаривал, что манера общения у меня неносная.

— Он был прав.

— Может и так, но никто еще не осмелился меня за это ударить.

Едва Сыинь договорил, как кулак Шэнь Цинханя свистнул у самого его лица. Хоу даже не шелохнулся. Напротив, чем ближе был удар, тем шире становилась его ухмылка. У Шэнь Цинханя было полно недостатков, но дураком, ищущим смерти, он не был.

Пока Сыинь жив — месть не свершена. А рядом нет Мо Наньфэна, который защитил бы его ценой своей жизни. Зная, насколько жестоким и быстрым может быть этот человек, Цинхань остановил кулак в волоске от его лица.

— Хоу хотел меня убить? — прищурился он.

— Я лишь подумал, — улыбнулся Ин Сыинь, — что если ты повредишь правую руку, это не помешает тебе упражняться с мечом, но вот если это помешает мне ласкать тебя ночью — будет досадно.

Попытка задеть обернулась очередным издевательством.

Хотя Гу Цзэсяо за глаза и называл его «лисом-соблазнителем», Шэнь Цинхань понимал, что таланта к этому у него нет. Душу Ин Сыиня ему не прочесть, а любое его слово разбивается о наглую уверенность хоу. Он был слаб — по-настоящему, до глубины костей. В конце концов, Сыинь прожил на шестнадцать лет дольше и повидал в этом мире гораздо больше.

Разве можно было с ним тягаться?

Гу Цзэсяо, вовсю зевая, въехал в Юйчжоу. Несколько дней он не ел ничего путного, и когда до его носа донесся упоительный аромат жареного мяса, он мгновенно проснулся. Потянув носом, как верный пес, он сглотнул слюну.

— О боги, как пахнет! Что это?

— Свиные лепешки, — отозвался ехавший рядом юноша-посыльный. — Кажется, именно о них говорил молодой господин Шэнь.

В этом мире было немало людей, чье лицо менялось при одном упоминании имени Шэнь Цинханя. Первым был император Ин Цзинвэнь, вторым — Му Фэйюнь, а третьим, вне всяких сомнений, — сам Гу Цзэсяо.

Чудесный аромат мгновенно показался ему тошнотворным.

— И ради какой-то стряпни мы тащились сюда столько дней? Тратили силы, время... Это что, шутка такая? — фыркнул он.

— Кто сказал, что это шутка? — занавеска кареты отодвинулась, и показалось недовольное лицо Шэнь Цинханя.

Получив порцию унижения от Ин Сыиня, он решил выместить злость на мальчишке.

— Я хочу самых свежих лепешек. Иди и купи.

Если он не мог одолеть Ин Сыиня, то с Гу Цзэсяо проблем не возникнет. Хоу твердил, что он слаб? Да, перед ним он был беспомощен, как птенец, но Гу Цзэсяо он мог вкатать в землю одной левой.

— Молодой господин Шэнь проголодался, я сейчас всё куплю! — засуетился посыльный, пытаясь сгладить углы.

— Нет, пусть купит он, — Шэнь Цинхань непреклонно ткнул пальцем в сторону Гу Цзэсяо и нацепил на лицо такую же несносную ухмылку, как у Ин Сыиня. — Маленькому господину Гу не помешает размять кости. А то решит еще, что за десять дней пути он палец о палец не ударил.

— Тьфу, куплю, подавись ты ими! — Гу Цзэсяо закатил глаза и спрыгнул с коня.

Смирив гордыню, он утешал себя мыслью: «Подумаешь, лепешки. Не велика беда. Этот Шэнь Цинхань просто ребенок».

«И вообще, характер у него — дрянь. Нельзя его баловать. Будь на месте хоу я, я бы ему парочку затрещин выдал, чтобы спесь сбить. А этот возится с ним, уговаривает...»

— Если тебе так приспичило, я сам могу сходить, — донесся из кареты снисходительный голос хоу. — Стоит ли злиться на четырнадцатилетнего ребенка?

Шэнь Цинхань обернулся к нему:

— Что? Хочешь сказать, я старый?

— Тебе двадцать — самый расцвет. Мне очень нравится, — улыбнулся хоу.

— А, так тебе жалко своего слугу из поместья хоу Цзибэй?

Пальцы Ин Сыиня, перебиравшие прядь волос Цинханя, замерли.

— Нашего поместья хоу Цзибэй? — переспросил он, слегка прищурившись.

Он всегда жил свободно и легко, но в таких мелочах был на редкость дотошен.

— Разве нет?

Шэнь Цинхань осекся. То ли не нашел слов, то ли не захотел их искать — просто замолчал, отводя взгляд.

Лицо Ин Сыиня изменилось. Он рывком притянул Цинханя к себе, повалил его на сиденье и, нависнув сверху, прошептал:

— Может быть, мне научить тебя, как нужно отвечать в такие моменты?

Шэнь Цинхань молчал, не подтверждая и не отрицая его слов, явно желая закрыть тему. Это лишь подлило масла в огонь. Ин Сыинь знал, что этого упрямца бесполезно бить или ругать, а потом еще и придется успокаивать. Поэтому он просто склонился и впился зубами в его губы.

Никакой реакции. Он сжал челюсти сильнее. Снова ничего. Еще сильнее...

— Кх... — Шэнь Цинхань не выдержал и издал тихий звук.

Не потому, что не мог терпеть, а потому, что всерьез испугался — Ин Сыинь в этом порыве был способен просто отхватить кусок его плоти. Во рту разлился металлический вкус крови.

— Шэнь Цинхань, ты будешь жрать свои лепешки или нет?!

Гу Цзэсяо, вернувшийся с покупками, бесцеремонно рванул занавеску. Будучи доверенным лицом хоу, он не привык церемониться.

Перед его глазами предстала картина, от которой у любого приличного человека волосы встали бы дыбом. Впрочем, Гу Цзэсяо видал виды. Ужас длился лишь мгновение; сглотнув, он молча задернул шторку.

— Едем дальше, — бросил он кучеру. — Ищите место для ночлега.

— А как же молодой господин Шэнь? — удивился посыльный. — Он же был голоден.

— Плевать на него, — отрезал Гу Цзэсяо. — У хоу аппетит поважнее будет.

<http://bllate.org/book/17523/1662583>